

«Как, ты не хочешь и цыплёнка?»
«Не хочу». Зимин устало прилёг на диван. В колебаниях свечи предметы казались большими, чёрными, чужими. Пахло одуряющим Trèfle incarnat от женского брошенного платья, кружевного шарфа, едою и, кажется, Odol'ем. Шура ужинала жадно, быстро, ловко работая бледными пальцами. На ней была ярко-красная нижняя шёлковая юбка и низко вырезанная, с широким кружевом рубашка. Густые, слегка рыжеватые волосы сбились на шею, и она, не вытирая масляных рук, поправляла их. Лицо у Шуры кругловатое, с пушком и матовым румянцем, брови тёмные, красивые, губы немного полные, но твёрдо очерченные, подбородок с ямочкой. Всё это, вместе с прекрасным скатом плеч, делало её чрезвычайно привлекательной и разжигающей. Зимин рассматривал свою ночную гостью с истеричным выражением. Нет, там, в кругу шансонеток, она показалась ему совсем, совсем иному. Ему почудилось что-то болезненное, загадочное в её нервно-весёлой улыбке, детски-беспомощное — в углах рта, жестах, пугливо-умоляющее — в расширенных глазах. Он увозил её почти с гордостью, наивно радуясь, что хотя на один вечер освободит её от плотоядных взоров

и желаний, сможет оставить в ней, быть может, единственно-светлое воспоминание. Он робко целовал её руки, укутывая в меховое манто, с особенной нежностью прятал вялые розы, а на лихаче держал себя почтительно и ласково. У него замирало сердце при её голосе, было весело, жутко и хотелось плакать. Потом... Потом всё произошло чудовищно по своей простоте, несложности и гнусности содержания. Он искал теперь оправдания, драматизма в их положении, задавая вопросы звенящим, несколько требовательным голосом. Но Шура вяло или совсем не отвечала, поглощённая едою, а он испытывал непреодолимое желание говорить, говорить... И Зимин начал, нервно поёживаясь. «Послушайте, Шура, хотите я вам расскажу ваше прошлое и будущее? — и так как она молчала, то продолжал быстро, проглатывая окончания, будто боясь, что она перебьёт. — Видите, Шура, из ваших кое-каких слов я понял, что вы немного учились. Вероятно, кончили 3-4 класса гимназии. С самого раннего детства вы привыкли к самой грубой лести и дерзкому ухаживанию. Отец у вас умер рано, мать была нравственная, но строгая и придирчивая. Вы много плакали, куда отвоевали себе право носить яркие, открытые кофточки, высо-

кую, модную шляпу и приходите в какой угодно час. Старушка-мать мечтала сделать из вас “честную”, но моя прелесть не понимала этого. Честная? В вашем представлении это ровнялось рваным ботинкам, ситцевым платьям и жидкому кофе. Да, кроме того, вы находите поддержку у своей подруги постарше, выдавшей виды. Она вас знакомит с “нужными людьми”. Помните того милого доброго старичка в серой кепочке? Такой вкрадчивый, сладкий, пугливый... У него были сухие, морщинистые губы, но очень щедрые руки, фальшивые зубы, зато настоящее золото. Что же! Вы улыбались ему довольно ласково. — Шура рассмеялась, поперхнулась и цинично выбранилась.

А он продолжал, волнуясь всё более и более. — Вам наняли хорошенькую квартиру, подарили не один браслет и не одно платье. Впечатления сменялись быстро, подруги завидовали, тщеславию льстили верно и ловко. Впрочем, вы не сдавались. Вам было как-то страшно, Шура, тянуло всё бросить и бежать на старое пепелище, к покинутой матери. Вы несколько раз плакали, несколько раз начинали и бросали молитву. Тогда старичку помог брюнет, Ваша первая любовь, умевший быть и послушным, и нежным, и горячим. Вы были с ним на маскараде. Вы доверчиво опирались на его руку, говорили массу разных восхитительных глупостей, радостно смотрели из-под кружевной маски. Вы были очаровательны в тот вечер и очень счастливы в ту ночь. Вы стали

женщиной. Все ваши мало-мальски честные, чистые убеждения растаяли, исчезли под грубой мужской лаской, а все скрытые инстинкты проснулись, потребовали ответа... Теперь ваше будущее, Шура. Вы проклянете серенькую, бесцветную жизнь, с её мелкой радостью, мелкой печалью, вы возненавидите скромное мещанское счастье и вы пожалуете лишь о том, что начали с 20-ти, а не с 16-ти лет. Вас уже заметили, о вас говорят, вы чаруете весёлостью, здоровьем и фигурой. Покуда ещё не совсем опытные, практичны, но через год, полгода, попадёте к какому-нибудь купцу “из новых”, и ваша карьера с того момента сделана. Вы будете переходить с рук на руки (на хорошие руки, будьте уверены), вернуться, как волчок, и много смеяться. О, много-много смеяться и мало думать. Вам будет некогда. В тот период вы принесёте жгучее чувство зависти не одной сотне женщин и сведёте с ума не один десяток мужчин. Ваши губы поведёт тогда нехорошая, типичная усмешка, ваши милые глаза загорятся недобрым, лихорадочно-пытливым огоньком, ваше маленькое сердечко перестанет быть добрым. Но вот неожиданно-негаданно в вашу записную книжечку ядовитое время внесёт цифру 40, вы почувствуете лёгкую усталость, Шура, и в себе, и в других. Друзья утомятся восхищаться этими плечами и целовать эти губы, вы устанете спрягать глагол “любить”. На вашем туалетном столике прибавится много новых флаконов, отворять их вы будете утром, днём и вечером, а ещё чаще

прибегать к заветному зеркальцу. Оно отразит однажды усталое лицо с потухшими глазами. В них загорится теперь новое выражение, какая-то боязливая тень. Но, может быть, это от того, что ресницы станут реже? Вы можете, однако, не печалиться. За последние годы вы не были наивной. Шурок, ваш капиталец приличен. Вы устраиваетесь по своему вкусу. Может быть, вы не прочь помочь молодым, красивым девушкам “находить места”, пробивать дорогу? О, да, мне кажется — да. Вы полюби-

те сладкие пирожки и золотые вещи. Вы... ох, нет, мне тяжело кончать, крошка, последние дни или, если хотите, годы... дорисуйте сами».

Шура с озабоченным видом вытерла руки о скатерть. «Вашиими устами да мёд бы пить! — пробормотала она, — так прожить, подай Господи... А вот — если заболеешь, да под забором?» И Шура засмеялась каким-то злым, грубым смехом.

Печатается по книге: Мар А. Ми-ниатюры. Харьков: Юг, 1906. С. 52–55.